

Závodský, Artur

Резюме

In: Závodský, Artur. *Gabriela Preissová*. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1962, pp. 300-304

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119505>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Личность чешской писательницы Гавриилы Прейсовой (Gabriela Preissová, 1862—1946) формировалась под влиянием гуманизма христианской окраски. С юных лет Прейсова не терпела никакой обиду и несправедливость, причиняемую отдельному человеку, общественному слою, классу или народу. Свою общественную, просветительскую и литературную деятельность она направила против бесправия всякого рода.

Видя воплощение своей любви к народу в работе на благо народа и его подъем, Прейсова отвергала исполненный ненависти повинизм, а вместе с тем осуждала национальное равнодушие и ренегатство. В ряде своих трудов она изобразила национальный гнет словаков в Венгрии и создала типы мужественных патриотов. Ее прозаические произведения о жизни в Каринтии, пусть и большей частью сводящие социальные противоречия на идилию, указали германизацию словенцев и призывали тамошний народ следовать примеру самоотверженных деятелей национального возрождения.

Будучи славянкой, Прейсова по аятопсии познакомилась почти со всеми славянскими народами. Ее удручали случаи разногласий между ними. Она описала путешествие на славянский юг и путешествие на Русь. Любви к Словакии училась в творчестве Божены Немцовой и Витезлава Галека, Рудольфа Покорного, в особенности же Адольфа Гейдука. Задолго до создания государства чехов и словаков она включала в единство обе нации, способствовала своими сношениями с многочисленными словацкими писателями и деятелями национального возрождения, как и своей творческой работой, укреплению братских узов между этими нациями. В первую мировую войну ее судили по делу государственной измены, после того как она безбоязненно отстаивала право русских военнопленных на человечески сносные условия жизни в миловицком лагере. Своим творчеством и своей практической деятельностью в области народного просвещения Прейсова вошла в число пионеров славянской взаимности, своеобразно продолжив славянскую идейную линию наших писателей (напр. Элишки Красногорской).

Прейсова, хотя и по вероисповеданию католичка, не относилась к другим религиям с презрением, а встречалась с евангеликами и оценивала человека прежде всего по его поступкам. С одной стороны, она с негодованием выступила против евреев, наживавшихся в деревнях Моравской Словакии на труде местного населения, а с другой стороны с сочувствием понимала невзгоды еврейского интеллигента в мелкобуржуазной невежественной среде (тут Прейсова выступала гуманисткой новоромантической стилизации зейферовского характера).

Прейсова не была политическим радикалом. Напротив, вплоть до краха партии старочехов она являлась ее сторонником. Зная, однако, мнение широких слоев трудового народа, она отвергла т. наз. пунктации, сочтя их опасными для дальнейшего развития чешской нации.

Основной линией жизни и творчества Гавриилы Прейсовой был оптимизм. Она, конечно, видела и страдания, и недостатки людей. Тем не менее всегда желала, чтобы люди относились друг к другу с любовью, взаимопониманием, со стремлением помочь, с волей устранять боль и обиду. Взгляд писательницы на общественные события был классово, буржуазно ограничен; социальную нищету она склонна была лечить в порядке филантропии. Все же Прейсова нередко умела наблюдать действительность смело и изображала ее правдиво. В результате того некоторые ее произведения, напр. моравско-словацкие драмы „Хозяйка-наложница“ (Gazdina roba) и „Ее надчерница“ (Její pastorkůň), получили более широкий отклик и общественную значимость, нежели она сама предвидела и вообще чаяла.

В своем литературном творчестве, не ставившемся ею выше любой другой работы, Прейсова в центре внимания положила женщину. Она прокладывала путь равноправия женщин

с мужчиной, право женщины на развитие всех способностей. Протестовала против ее рабского, униженного положения в современном обществе, против деспотического опекунства, против произвольной выдачи замуж девушек по другим соображениям, чем по любви. Желала, чтобы женщина была интеллигентной, гармонически образованной и лишенной предвзятых рассудков. В этом смысле Гавриила Прейсова продолжала деятельность великих предшественниц и старших ровесниц (Каролины Светлой, Софии Подлипской, и особенно Элишки Красногорской), намечая пути своим младшим подругам (Божене Виковой-Кунетицкой и др.). Однако к правильному разрешению „женского вопроса“ Прейсова не пришла. А то следовало бы ей усвоить такую точку зрения, что необходимо изменить самую общественную систему, и вступить в двадцатые-тридцатые годы в ряды борющегося пролетариата. Но такого вывода она не сделала; осталась лишь на позициях субъективно хорошо обоснованной этики, приказывавшей избирать партнера для замужества с рассудительностью, всегда по любви, и рекомендовавшей воспитание молодых людей к взаимопониманию и неге.

Основная тема творчества Гавриилы Прейсовой — это любовь. Притом любовь обычно в тот момент, когда в ней сказывается противоречие, когда она направляется к трагическому исходу. Противоречие это вытекает то из различного социального положения влюбленных, то из неравенства в возрасте, то из разногласия характеров и т. п. Через творчество Гавриилы Прейсовой, в стольких вариациях воспевшее любовные стремления и порывы молодых сердец, красной нитью проходит печальное сознание того, что женщина, рожденная к любви, в современном обществе вынуждена платить за свое счастье жертвами и стараниями.

Сочувствие и боль при созерцании унижения людей заставляли Прейсову выводить в своем творчестве толпы бедных и униженных. Неоднократно она осудила несправедливое презрение париев в капиталистическом обществе — цыган. Задумалась, хотя проблему так и не решила, над нищетой рабочих.

Прейсова в своих произведениях не ставит метафизических или философских проблем. Ее персонажи действуют и размышляют в условиях будничной жизни. В отличие от Каролины Светлой, создавшей образы скептиков и мудрствующих людей, Гавриилу Прейсову привлекает человек труда, стоящий на твердой почве, конкретно запечатлеваемый ею. Прейсова — поэтесса прямолинейных, несложных явлений жизни, и она умеет их осветить мягко трогательным сочувствием.

Как правило, Прейсова удалялась от изображения города и бежала к самобытному деревенскому народу, будь то в Моравской Словакии, в Словакии или в Каринтии.

Невзирая на то, что человек и его жизнь для Гавриилы Прейсовой представляют наибольший интерес, а среда действия или местность даже при конкретном изучении и верной подаче обрисовываются лишь в нескольких чертах, писательница не задерживается анализом причин и стимулов человеческих поступков во всей широте охвата. Персонаж выводится ею сиятetically. Она подмечает своеобразный жест, типичную черту лица, персонаж произнесет характерное слово — и в итоге получается живой, выпуклый образ человека. Вот почему Прейсова в лучших своих трудах является мастером фабуляционного сокращения. Она наскоро зарисовывает действующих лиц с акцентом на главную сторону их характера, а затем уже торопливо берется за действие, как будто желая привлечь внимание читателя лишь эссенцией фактов и чувств.

Образы персонажей Гавриилы Прейсовой почти сплошь созданы на основе хорошо изученной действительности, и в лучших случаях возникли путем типизации, а не как копия одного отдельно взятого явления жизни.

У писательницы, творчество которой разветвляется по двум основным руслам, прозаическому и драматическому, вполне понятно проза нередко по-разному взаимосближалась и пере-

плеталась с драматической формой. Иногда рассказ драматизировался, а драма перекладывалась в художественную прозу. Однако даже в самой прозе Прейсова прибегает к приемам драмы, умело используя искусство контрапунктически проводящихся сюжетных линий и умение контраста, подавая насыщенные действием сцены в форме диалога.

Словесные средства Гавриилы Прейсовой имеют своим источником обиходный, чаще всего народный быт. Это сказывается не только в том, что у Прейсовой нередко прозвучит народная песня, народная поговорка и что многие ее произведения — обе моравско-словацкие драмы и некоторые рассказы и новеллы — komponированы в балладическом тоне. Прейсова черпала образы, сравнения и выражения из речи народа, из явлений природы. С этим стоит в связи также использование диалекта в ее произведениях; речь идет, как правило, только о легком диалектальном налете в области лексики, изредка в фонетике и морфологии.

Творчество Гавриилы Прейсовой на всем протяжении многолетней литературной творческой деятельности не сохраняет одинаковой ценности. Это имеет свою причину не только в том, что Прейсова после резко неодобрительной кампании вокруг „Ее падчерица“ сознательно начала сглаживать в идиллию наблюдавшиеся ею в действительности социальные противоположения. Еще раньше, а начиная с девятых лет почти последовательно, она окутывала персонажи и действия лиричностью, мягким, сладковатым сочувствием. Поэтому ее прозы (а менее драмы) наводят впечатление черезчур чувствительного восприятия и безмятежного благополучия. Несомненно, благодаря именно этому факту рассказы Прейсовой пользовались успехом у молодых читателей, особенно же у женщин.

Одна из причин, почему Прейсова могла в непосредственной последовательности подряд написать и произведение весьма ценное, и произведение посредственно условное, состояла в поспешности, импровизаторской вспыльчивости ее творчества. Часто писательница сдавала свою прозу в печать немедленно после того, как только наскоро набросала ее. Мало перерабатывала и отделывала, мало отбирала и, в силу слабой самокритичности, смещивала посредственность с мастерским достижением. Это ярко отражается и в понижении качества ее драматического творчества: если „Хозяйка-наложница“ и „Ее падчерица“ подвергались нескольким переделкам, то остальные пьесы передавались к постановке сразу после торопливого доведения текста до конца.

Недостаточная требовательность к собственному творчеству — некоторую долю ответственности тут несет также относительно легкий успех произведений Гавриилы Прейсовой у читательской публики, ввиду чего издатели, начиная с девятых лет, прямо с нетерпением требовали у писательницы следующих трудов — влекла за собой еще одно дальнейшее явление, нередко характерное для нее: это заимствование, адаптация мотивов из собственных старших сочинений (напомним лишь некоторые конвенциональные прозы каринтийские или драму „Две колыбельные песни“), а также склонность к сюжетной стереотипности.

Творчество Гавриилы Прейсовой подтверждает правильность ленинского положения о том, что писатель, поскольку правдиво отражает действительность, создает, если бы ему и препятствовало неверное мировоззрение, образы прочных качеств, и при условии художественного мастерства — даже произведения покоряющей эстетической силы.

Литературное творчество Гавриилы Прейсовой длилось свыше пятидесяти лет.

В первых прозах писательницы, печатавшихся с 1883 г., и в опыте драмы „Идеал“ (1888 г.) можно наблюдать борьбу условных романтических элементов с проблесками реализма. С течением времени жизненная правда пробивается в творчестве Прейсовой все настоятельнее. Это стоит в связи с ее постепенным знакомством с жизнью в Моравской Словакии. Прейсова первой в чешской литературе изобразила в „Картинках из Моравской Словакии“ (1886, 1889) яркий колорит и социальную нищету забытой в то время области. Она показала общественные противоположения зажиточных и бедных, причем ее симпатии находились на стороне бедных — крестьянских батраков, рабочих на сахарном заводе, изну-

ренных женщин, сирот, состарившихся родителей, живущих на содержании своих взрослых детей, починающих посуду бродяг-ремесленников, всякого рода кустарей и полунищих („Вечер батрачества“, „Сожилцы“, „Миниатюра“, „Старик Клука“ и др.).

В своих деревенских прозах Прейсова развертывает традицию рассказов Божены Немцовой и, главным образом, Витеслава Галека. Стоя и под влиянием моравского писателя „лубочника“ Вячеслава Космака, она на более высокой плоскости идет в следах этнографической собирательницы, любвеобильной рассказчицы Франтишки Странецкой. В рассказах, занимающихся безотрадным положением стариков-родителей, живущих на содержании своих детей, Прейсова представляет связующее звено между Витеславом Галеком и Карлом В. Раисом. Благодаря своему прозаическому изображению престолярды в Моравской Словакии она прокладывает путь моравско-словацким рассказам Яна Гербена и братьев Алоиса и Вильгельма Мрштиков. Новеллы Прейсовой, выводящие словацкий народ, идут параллельно с реалистическими прозами Мартина Кукучина и, поскольку они дают примеры идеальных патриотов, — с творчеством Светозара Гурбана Ваянского.

На рубеже восьмидесятых и девяностых годов прошлого века Прейсова, следуя тематике прозаических произведений Каролины Светлой („Деревенский роман“, „Крест у ручья“, „Франтина“), Прейсова в выдающихся драмах „Хозяйка-наложница“ (Gazdina roba, 1889) и „Ее падчерица“ (Její pastorkyňa, 1890) дала реалистические картины деревни при капитализме. Она показала социальные противоречия моравско-словацкой деревни и губительное влияние денежной морали на искажение человеческих отношений. Сюжетным средоточием этих драм является женщина, которая борется против предрассудков своей среды, хотя кое-что из подобных предрассудков изживается и в ней самой. „Хозяйка-наложница“ и „Ее падчерица“ ввели на сцену Национального театра народ в его неподдельном виде, в его неповторимом этнографическом, фольклорном и диалектальном быте. Своим драматическим моравско-словацким творчеством Прейсова воздвигала мост от первой воистину реалистической комедии Ладислава Струпежничко „Наши фурианты“ (1887) к реалистической трагедии — к „Войнарке“ Ирасека (1890) и прежде всего к „Марыше“ братьев Мрштиков (1894), некоторые типы которой (Лизал, Марыша, Франчек) не могли бы возникнуть без примера типов Гавриилы Прейсовой (Мешьяновка, Ева). Моравско-словацкие пьесы Гавриилы Прейсовой действительно помогали внедрять реализм в целую чешскую театральную жизнь (также в режю и в сценическое творчество). Представляя своего рода параллель к этнографическим, фольклорным и диалектологическим изысканиям школы Франца Бартоша, художественные произведения Гавриилы Прейсовой способствовали росту этнографического интереса к деревне, получившего наиболее яркое выражение в Этнографической чехословацкой выставке, состоявшейся в Праге в 1895 г.

Поставив в центр своего творчества борьбу женщины за освобождение, Прейсова своеобразно продолжила образы женщин творчества Божены Немцовой и Каролины Светлой. Своим влиянием она затронула более молодую Божену Викovou-Кунетицкую (пьеса „В ярме“ — 1896, „Незнакомый материк“ — 1898), которая, однако, не достигла уровня Прейсовой в социально-критическом запечатлении общества. Внутренняя чистота и серьезность установки Гавриилы Прейсовой нашли продолжателя в моравской прозе Божены Бенешовой.

Гонения, которые по вине буржуазной критики и мещанской публики пришлось пережить автору „Ее падчерицы“ после постановки на сцене этой драмы, не усилили ее отвращение к буржуазному обществу и стремление уловить во что бы то ни стало истинную правду жизни, не сблизили ее с рабочим классом, единственной прогрессивной силой. А ведь только таким путем Прейсова смогла бы свой благородно обоснованный филантропический гуманизм превратить в гуманизм, борющийся за устранение капитализма и за создание подлинно благородных отношений между людьми. Напротив, успешно начавшееся развитие крити-

ческой реалистики оборвалось. С тех пор Прейсова большей частью избегала общественно жгучих тем, отклонялась от реалистического отображения действительности, примиря социальные противоречия в идиллию или натуралистически выводя образы нетипичных людей. С девяностых лет прозы Прейсовой перегружаются эпизодами, которые за счет насильственной мотивировки подготавливают схематически конструированный исход всего действия. В них, к сожалению, подтвердилась правильность положения о диалектическом единстве содержания и формы: с отклонением от правдивого изображения действительности шел и упадок художественного мастерства Гавриилы Прейсовой. Однако и в каринтийских прозах, больше всего испытывавших на себе указанный недостаток, найдутся труды, в которых сила правды, в общем, взяла верх над ошибочным идейным замыслом автора (напр. „Дичок“ — Pláně, „Рассказ о кудрявом сапожнике“ — Povídka o kudrnatém ževci).

Частью прогрессивный характер после 1890 г. имели также прозы Гавриилы Прейсовой, в которых подвергалась критике дворянская филантропия или рисовались жертвы капиталистической морали („Вместе“ — Spolu). В драмах-шутках „Весенняя песня“ (Jarní píseň, 1896) и „Приходите к нам, когда настанет весна“ (Přijďte k nám, až bude jaro, 1912) Прейсова с малым импрессионизмом и с точностью выразительных средств вывела образы девушек в беспокойствии юности, чем и подготовила почву для персонажей драм Франи Шпрамека.

После первой мировой войны Прейсова работала эклектически, то давая картину классового примирения (напр. в комедии „Весна в окрестностях замка“ — Jaro v podzámečí, 1925), то в исторической пьесе о св. Вячеславе и в биографических романах, отклоняясь от решения назревших общественных вопросов современности. Исключения здесь представляют немногочисленные, но по силе своего обличительного протеста против бессмысленности империалистической войны значительные прозы (напр. „Розмары“ — Rozmarýja) и роман „Ее падчерица“ (1930), в котором Прейсова вновь возвратилась к материалу возникшей сорок лет тому назад драмы.

В зависимости от того, как Прейсова оставалась на позициях критического реализма (следовательно, прежде всего в период моравско-словацкого творчества), она стояла в средоточии нашей литературной жизни и оказывала влияние также на прогрессивную критику (напр. работа Отакара Гостинского „О художественном реализме“ возникла в 1890 г. во время споров вокруг постановки „Ее падчерицы“). Идиллизующие, натуралистические или конвенциональные сочинения отодвигали Прейсову, особенно начиная с двадцатых лет, на периферию литературного поприща.

Лучшие творения Гавриилы Прейсовой, в частности „Хозяйка-наложница“ и „Ее падчерица“, послужившие стимулом для создания опер Й. Б. Фёрстера („Ева“) и Леоша Яначека („Ее падчерица“), до сих пор близки нашей социалистической современности. Они — эмоционально подкупающие художественные запечатления давно минувших времен капитализма, нищеты и борьбы народа против гнета и за лучшее будущее. Благодаря этому они еще в настоящее время содействуют нашему усилию за построение справедливого общественного строя.

Перевел Роман Мразек